

ТЕНДЕРЕНДА - ФАНТАСТ

*O vous, messeigneurs et mes dames,
Qui contemplez ceste peinture,
Plaise vous prier pour les âmes
De ceulx qui sont en sepulture.*

Saint Bernard¹

I. Взлёт пророка²

Однажды обнаруживаешь себя в суматохе воображаемого города. Тут ожидают пришествия нового Бога. Доннеркопф (который больше нигде в романе не появится) перебрался на жительство на башню и распространяет оттуда всевозможные бюллетени — якобы о текущем положении дел. Начинается тёплый вечер. Выступление шарлатана, который возвещает на ярмарочной площади вознесение. Для этого он выдумал собственную теорию, которую пространно излагает. Однако вознестись ему не удаётся из-за скепсиса публики. И какие последствия это имело.

В тот день Доннеркопфу не дали присутствовать на торжественном акте. И вот, он сидел перед атлантами и людьми, собравшимися в кружок, и возвещал премудрость высших сфер. Он свешивал с башни длинные свитки папируса, изрисованные значками и животными, и тем самым предостерегал народ, стоявший кучками, от крикливых стай ангелов, которые в ярости

кружили вокруг башни. А кто-то в этот день носил по городу на длинном шесте табличку, на которой было начертано:

Талифа куми, девица, тебе говорю, встань³
Это ты, ты ею будешь.
Дочь бедноты, мать ликования.
Висельники и ссыльные,
Арестанты и оступившиеся
Взывают к тебе.
Освободи, благослови,
о неведомая,
Прииди!

К пришествию нового божества город готовился постом и слабительным, и уже находились люди, желающие толпой идти ему навстречу. Высказывалось предостережение, гласившее, что ежели кто будет осматривать колёса с колоколами, закреплёнными на окружности, или войдёт в башню, сложенную из чего попало, тот, будучи схвачен без специального разрешения, на месте живьём подлежит смерти. Была свежewedута причинная связь и выставлена у всех на виду на пожирание священными науками. С трещотками и волюнками двигались, заламывая руки, крестные ходы и чайные процессии людей искусства и науки. Но в воздухе носились водяные знаки, и изо всех дыр торчали стеклянные шприцы.

И вот, над рыночной площадью, словно так и надо, шествовал сизоликий пророк, обращаясь к смеющимся домам, звёздам, луне и народу и говоря:

«Лимонно-жёлтое стоит небо. Лимонно-жёлтые стоят поля души. Мы склонили головы к земле и широко раскрыли уши. Мы растянули парусами фартуки и рясы, и спина из взрывного фарфора проглядывает там и сям.

Истинно говорю вам: моё смирение обращено не к вам, а только к БОГУ. Всякий взыскует счастья, до которого он не дорос. Ни у кого нет столько врагов, сколько он мог бы иметь. Человек — несбыточная фантазия, чудо, божественная случайность, полная коварства и двоехитрости.

Однажды я сам неузнаваемо погряз в любопытстве и подозрительности. И вот, я повернул назад и вошёл. И вот, тут горели свечи, капая мне на череп. Но моим первым познанием было вот что: малое и великое — это безрассудство. Великое и малое — это релятивизм. И вот, мой палец высунулся наружу и обжётся о солнце. И вот, стрелка башенных часов процарапала почву улицы. Но вы полагаете, что чувствуете, и вас самих расчуют».

Он сделал паузу, чтобы прочистить себе ухо, и бросил взгляд на пятый этаж четвёртого здания. Там из окна высовывалась розово-шёлковая ножка Люнетты. На ней сидели два крылатых существа, сосущие кровь.

И пророк продолжил:

«Истинно, ни одна вещь не такова, какой выглядит. Она одержима духом жизни и кобольдом, который замирает, пока на него смотрят. Но стоит его разоблачить, как он преобразуется и становится страшен. Я годами носил тяготу вещей, которые хотели своего освобождения. Пока я не увидел и не

постиг их размера. Тут во мне разыграла страсть. Жизнь ужасна! Тогда я простёр руки — для защиты — и полетел, понёсся стрелой над крышами».

Как можно заметить, пророк, зачарованный музыкой собственных слов, не произнёс никаких неисполнимых обещаний. Шумно всплёскивая обеими ладонями, он поднялся, пролетел, словно на пробу, изрядный отрезок пути по вечернему небу, но потом заложил вираж и с несколькими подскоками приземлился.

Люди, по пояс высунувшиеся из окон со всех сторон ярмарочной площади, были напуганы, но в недоверчивой досаде мотали головой, поскольку это зрелище неприятно поразило их, размахивали что есть мочи солёными трубками и принесёнными бумажными фонариками, крича:

«Увеличительное стекло! Увеличительное стекло!»

Поскольку стало известно, что пророк в своих приёмах часто применял одно из таких стёкол, люди полагали, что всё происходящее — не более чем махинация пророка, который подобными инструментами маскирует свои уловки. Был также забавный эпизод, в котором одна любопытная женщина, которая слишком сильно размахивала древком флага, сорвалась и, подхваченная вечерним ветром, полетела над крышами в сторону востока. Далее: взлетал петух с растрёпанным серпом над веерами дам; это считалось знаком находчивого тщеславия.

Пророк, сокрушённый и обескураженный, и впрямь вынул из кармана увеличительное зеркало. Зеркало, кстати, раз-

мером с русские качели, какие можно увидеть на ярмарках. Чрезвычайно тонкой шлифовки стекло в серебряной оправе, изящно закреплённое на длинной деревянной ручке. Он поднял это зеркало над головой, приняв трагическую позу, внезапно дёрнулся вверх, разбив зеркало; осколки зазвенели, а он исчез, растаяв в жёлтом море вечера.

А осколки разбитого волшебного зеркала порезали дома, порезали людей, скот, танцовщиц на канате, жерла шахт и всех неверующих, так что число порезанных нарастает день ото дня.

КОММЕНТАРИИ

Роман Хуго Балля (1886–1927) «Тендеренда-фантаст» (“Tenderenda der Phantast”) — редкий для дадаизма пример крупной литературной формы. Он несомненно является наиболее важным прозаическим сочинением как для дадаизма в целом, так и для его автора. Вместе с другим романом Балля, «Фламетти, или о дендизме бедных» (“Flametti, oder, Von Dandysmus der Armen”, издан в 1918 г.), он составляет в его наследии количественно небольшую часть художественной прозы. Значительно обширнее корпус его публицистики (более сорока статей, многие из которых собраны в сборник «К критике немецкой интеллигенции», 1919; биография Германа Гессе, 1927), драматургических произведений, историко-философских и религиозных исследований (начиная с диссертации о Ницше и заканчивая трудами о христианстве). Впрочем, лучше всего известна поэзия Балля (особенно «звуковые стихи»), его «Дада манифест» и, пожалуй, важнейший документ цюрихского периода дада — дневник «Бегство из времени» (закончен и опубликован в 1927 г.; русский перевод см. в кн.: *Дадаизм в Цюрихе, Берлине, Ганновере и Кёльне: Тексты, иллюстрации, документы*. М.: Республика, 2002. С. 93–110).

Работа над «Тендерендой-фантастом» продолжалась в течение шести лет и была закончена в июле 1920 г. Таким образом, в романе не могли не отразиться все перипетии жизни и творчества Балля: отход от экспрессионизма, основание «Кабаре Вольтер» и дадаизма и быстрое разочарование в нём, период радикальной политической эссеистики и приход к католицизму. Опыт этой духовной биографии выражен в романе многочисленными аллюзиями, биографическими деталями, отсылками к другим произведениям и авторам. В творческом наследии Балля — это последнее художественное сочинение, после чего он посвятил себя изучению богословия и христианской мистике. Текст «Тендеренды» можно рассматривать как своего рода выражение этого постепенного перехода.

Хотя в процессе работы над романом его фрагмент лишь однажды появился в печати, когда глава «Карусельная лошадка Йоханн» вошла в сборник «Кабаре Вольтер» (1916), другие главы и выдержки из романа читались Баллем и до переезда в Цюрих, и после. В 1922 г. роман был подготовлен к изданию в мюнхенском «Роланд Ферлаг», но через год по неизвестным причинам издатель Альберт Мундт вернул автору рукопись. Впервые «Тендеренда» увидел свет лишь в 1967 г. в цюрихском издательстве «Архе» и с тех пор множество раз переиздавался и переводился на другие языки, став, по сути, классикой немецкой литературы XX в.

Настоящий перевод на русский язык был сделан по недавнему изданию, включающему все дадаистские тексты Балля: Ball H. *Zinnoberzack, Zeter und Mordio: Alle DADA-texte* / Herausgegeben von Eckhard Faul. Göttingen: Wallstein Verlag, 2011. S. 45–97. Там текст романа был заново сверен с авторской машинописью, к нему добавлен ранее не учитывавшийся в публикациях фрагмент «Моля-

щийся пёс» (“Der Betende Hund”). Предположительно он мог быть его частью, не вошедшей затем в итоговую рукопись.

Примечания к роману составлены с учетом комментариев М. Грина по кн.: *Blago Bung Blago Bung Bosso Fataka! First Texts of German Dada by Hugo Ball, Richard Huelsenbeck, Walter Serner / Translated & Introduced by Malcolm Green*. London: Atlas Press, 1995. P. 164–173.

- ¹ О вы, милостивые государи и дамы,
Созерцающие эту картину,
Прошу, помолитесь за души
Усопших здесь.

Автоэпитафия Бернарда Клервоского — католического святого, теолога и мистика XII в., которую Балль заимствовал из сборника изречений мистиков, изданного под редакцией Реми де Гурмона в 1892 г. с предисловием Ж.-К. Гюисманса (четверостишие переведено К.В. Дудаковым-Кашуро).

² Впервые эта глава была публично прочитана Баллем 7 февраля 1916 г. в «Кабаре Вольтер», т.е. спустя несколько дней после его открытия.

³ Библиеизм «талифа-куми» (tālhā qūm, араб.) означает «девица, встань». Здесь Балль, по сути, приводит слова Иисуса Христа по Евангелию от Марка (Марк 5:41) в той части, где Иисус воскрешает дочь начальника синагоги.

⁴ Вождь Зарево — Häuptling Feuerschein (нем.) — является также персонажем романа Балля «Фламетти» (1918), в котором главный герой, директор варьете и пожиратель огня Макс Фламетти, придумав музыкально-цирковой спектакль, выступает под именем Зарева основным номером.